

Художественная студия

Извините, тётушка, но я не продаюсь

Хотя Одноклассник Линь держался с ним холодно и намеренно отстранённо, Тан Лофань интуитивно чувствовал: они обязательно увидятся снова. Точно так же, как каждый раз, когда он думал, будто парень больше не придёт на его уроки, на телефон внезапно прилетало сообщение с просьбой о дополнительных часах.

Закончив фразу, он заметно смягчился. Его ясные, чистые глаза потеплели, устремив мягкий, едва заметный взгляд на лежащего в постели человека. В этой фигуре по-прежнему читалось то же бесстрашие и непринуждённое изящество.

Хэ Хуай провожал взглядом этого красивого, открытого юношу. Смотрел, как тот с лёгкой улыбкой уверенно разворачивается, как его высокая, стройная фигура покидает стерильно-белую палату. Лишь когда дверь тихо захлопнулась, в груди Хэ Хуая, где ещё мгновение назад бушевали тревога и противоречия, внезапно воцарилась глухая пустота.

Терпение и самообладание всегда были его сильнейшими сторонами. Но не сейчас.

Хэ Хуай бессильно откинулся на подушки, словно из него разом выкачали все силы. Он обвёл взглядом холодные, безмолвные стены палаты, и его внезапно накрыло острое, удушающее чувство одиночества — будто во всей вселенной он остался совершенно один.

Знать бы заранее, что они так разойдутся... Ему стоило быть приветливее во время их первых занятий.

В длинном больничном коридоре раздавался торопливый стук каблучков. Линь Юйцин в элегантном деловом костюме от кутюр стремительно шла вперёд. На её красивом лице застыла тревога, а в голосе сквозил тщательно сдерживаемый гнев:

— Почему о вчерашней аварии мне сообщают только сейчас?! Кто это сделал? Вы хоть что-то выяснили?

— Президент Хэ просто не хотел беспокоить вас посреди ночи, — почтительно склонив голову, поспешил оправдаться следовавший за ней телохранитель. — Судя по предварительным

данным полиции, это был обычный пьяный водитель, выехавший на встречную полосу. Он протаранил машину господина Хэ. Виновник сильно пострадал, сейчас он в реанимации.

— Пьяный? А его подноготную вы проверили?

— Да, госпожа, проверка уже идёт.

— Погоди, — Линь Юйцин резко остановилась и обернулась к телохранителю с холодной усмешкой. — Я видела записи с камер. Машина А Хуая вполне могла разминуться с тем грузовиком. Зачем он резко крутанул руль и пошёл на таран? За рулём ведь был Юй Хуэй? Где он сейчас?

Женщина слегка приподняла идеально очерченные брови. В её взгляде сквозил ледяной холод. Будучи признанной светской дамой, Линь Юйцин обладала врождённым благородством и грацией, однако десятилетия, проведённые в жестоком мире крупного бизнеса, закалили её характер. Одного её властного, привыкшего повелевать взора было достаточно, чтобы заставить собеседника трепетать без лишних криков.

Под этим тяжёлым взглядом на лбу телохранителя выступила холодная испарина. Он замялся, выдавливая из себя:

— Ассистент Юй... он в соседней палате.

Палата Хэ Хуая была уже совсем рядом, но Линь Юйцин не сдвинулась с места. Поразмыслив пару секунд, она ледяным тоном приказала:

— Сначала отведи меня к Юй Хуэю.

— А?.. — Телохранитель растерялся, не понимая, что у неё на уме, но перечить не посмел. — Слушаюсь.

Накануне из-за сильнейшего удара Юй Хуэй потерял сознание, но, к счастью, обошлось без серьёзных травм. После ночи под наблюдением врачей он заметно пришёл в себя. Сейчас его палата превратилась во временный штаб, где собрались остальные помощники и охрана Хэ Хуая.

В этот момент дюжие мужики увлечённо перемывали косточки своему боссу, смакуя пикантные подробности его романа с загадочной «пассией»:

— Я ведь почти ушёл от столкновения, — рассказывал Юй Хуэй, качая головой. — Но шеф внезапно перехватил руль и сам направил машину под удар. Дальше я отключился. Только что посмотрел видео аварии, которое вы сбросили... Похоже, президент Хэ сделал это, чтобы спасти ехавшего следом Сяо Су-лаоши.

— Сяо Су-лаоши? Так тайный любовник шефа — преподаватель?

— Какой ещё любовник?

— Да ты дрых всю ночь и ничего не знаешь! — хохотнул один из телохранителей. — Наш босс вчера спал с ним на одной кровати!

— А сегодня утром они валялись в обнимку и ворковали, я сам видел!

— Быть не может! — ахнул изумлённый Юй Хуэй. — Президент Хэ на каждом занятии строил из себя недовольного, а перед уходом вечно ворчал на этого Су. Хотя... дополнительные уроки всё-таки брал.

— Вот именно! Стал бы он платить за лишние часы, если бы парень ему не нравился?

— Да и вообще, надо признать, этот Сяо Су-лаоши чертовски хорош собой...

Эти крепкие brutальные парни на собственном примере доказывали старую истину: когда мужчины начинают сплетничать, женщины могут спокойно отдыхать в сторонке.

Но в самый разгар этого оживлённого трёпа дверь палаты с грохотом распахнулась. На пороге возникла величественная дама с ледяным лицом и закипающим в глазах гневом.

— Г-госпожа! — хором выдохнули сплетники.

Разговоры мгновенно смолкли. Мужчины вытянулись по струнке, в ужасе уставившись на вошедшую Линь Юйцин.

Линь Юйцин прищурилась, и её красивый взгляд пронзил присутствующих ледяными иглами. Она чеканила каждое слово:

— Так ради кого, вы говорите, Хэ Хуай подставился под удар? И кто этот его... «любовник»?!

Телохранители побледнели как полотно. Никто не смел поднять на неё глаз.

— Госпожа, мы... мы просто пошутили. Не принимайте близко к сердцу, президент Хэ... он вовсе не...

— Все вон! — отрезала женщина и устремила тяжёлый взгляд на Юй Хуэя, сжавшегося на больничной койке. — А ты останься и выложи мне всю правду. Что за Сяо Су-лаоши и какие у них отношения с А Хуаем?

Спустя пять минут Линь Юйцин вышла из палаты. С ледяным выражением лица она достала телефон и ухоженными пальцами быстро набрала сообщение одному из своих контактов:

«Выясни всё о человеке по имени Су Лэ».

Убрав мобильный, она в сопровождении охраны направилась к палате сына.

У порога маска суровости мгновенно сошла с её лица, уступив место неподдельной тревоге и материнской нежности.

— А Хуай! — воскликнула она, торопливо шагнув к постели. С искренней болью в голосе Линь Юйцин посмотрела на голову сына, замотанную плотным слоем бинтов. — Боже, как ты? Сильно пострадал? Как тебя вообще угораздило попасть в аварию?

Хэ Хуай, безучастно перелистывавший принесённые помощником документы, ответил ровным голосом:

— Всё в порядке. Обычное сотрясение и пара царапин, за неделю заживёт. В компании я пустил слух, что уехал в командировку, так что информация о травме не просочится в прессу. — Он на секунду замялся, после чего добавил: — Что касается вчерашнего ужина... Как только выпишусь, я лично поеду к семье Тан и извинюсь.

— Ах, вчерашний ужин... — Линь Юйцин замялась, её лицо на миг стало натянутым. — Тан Лофань тоже не пришёл.

— Тоже не пришёл? — Хэ Хуай коротко усмехнулся. — Забавно. Два совершенно незнакомых человека, которых семьи упрямо пытаются свести силой.

— А Хуай, — вздохнула Линь Юйцин. Она протянула руку и осторожно коснулась края бинта на его лбу. — Пусть вчера Тан Лофань не было, но его родные ясно дали понять: они хотят как можно скорее утвердить дату вашей свадьбы. Ты злишься на меня за то, что я принуждаю тебя к этому союзу, но семья Тан поступает точно так же со своим сыном. В нашем кругу все через это проходят.

Хэ Хуай промолчал, лишь слегка отстранился, уклоняясь от её прикосновения. Рука Линь Юйцин замерла в воздухе, и в её глазах на миг отразилась грусть.

Она присела на край кровати и заговорила мягко, пытаясь достучаться до сына:

— Послушай, когда я предложила союз с семьёй Тан, я думала не только о коммерческой выгоде для нашей корпорации. Мне глубоко симпатичны эти люди и то, как они ведут дела. Тан Цюфу — человек прямой и честный. Его старшие сыновья тоже невероятно талантливы, у них безупречная репутация в деловом мире. Брак между семьями Хэ и Тан — это идеальный,

равный союз. А любовь придёт со временем. Вот поженитесь, станете жить под одной крышей, притрётесь друг к другу — и всё наладится.

— Достаточно, я не отказывался от свадьбы, — перебил её Хэ Хуай. В его голосе зазвучали раздражённые нотки. — Если больше ничего срочного нет, возвращайся домой. Я устал и хочу побыть один.

Линь Юйцин давно привыкла к его эмоциональной глухоте. Ничуть не смутившись, она тихо спросила:

— По пути сюда я изучила запись вчерашней аварии. Ты ведь намеренно подставил свою машину под удар, чтобы защитить тех, кто ехал сзади? А Хуай, это безрассудство не похоже на тебя.

Хэ Хуай помрачнел, его пальцы незаметно сжались в кулаки под одеялом.

Линь Юйцин пристально посмотрела ему в глаза и неторопливо продолжила:

— Я знаю, что в той машине находился твой учитель рисования. А Хуай, рисковать собственной жизнью ради какого-то преподавателя — это верх безрассудства. Слава богу, на этот раз ты отделался лёгкими ушибами. А если бы случилось непоправимое? Что тогда делать мне? Что будет с семьёй Хэ? И как ты собираешься исполнить последнюю волю отца? И ради кого всё это? Ради безвестного учителя из заштатной студии...

— Мама! — ледяным тоном оборвал её Хэ Хуай. — Тот грузовик вполне мог метить в меня, так что я просто не хотел, чтобы из-за моих разборок пострадал посторонний человек. В ту студию я больше не вернусь. И прошу тебя: не вмешивайся в это дело.

Они молча мерили друг друга взглядами, и в этом безмолвии отчётливо читалось взаимное предупреждение. Наконец Линь Юйцин отвела глаза и слегка улыбнулась:

— Хорошо, не волнуйся. Я не собираюсь устраивать сцен этому твоему Су Лэ. Но я обязана напомнить: очень скоро ты свяжешь свою жизнь с Тан Лофанем.

Произнося имя «Су Лэ», она намеренно сделала на нём акцент, давая сыну понять: ей известно не только местонахождение студии, но и личность этого юноши. С её связями убрать из города S безродного студента не составило бы никакого труда. Лицо Хэ Хуая стало ещё мрачнее.

— Ладно, отдыхай, — примирительно произнесла Линь Юйцин, слегка похлопав сына по плечу. — Свадьба состоится уже в следующем месяце. Так что сейчас твоя главная задача — поправляться.

Она добавила ещё несколько тёплых материнских напутствий и покинула палату. Но стоило ей

сесть в свой представительский автомобиль, как мягкость бесследно испарилась с её лица.

— Су Лэ? — холодно процедила она сквозь зубы и скомандовала водителю: — В студию масляной живописи Илань. И сделай так, чтобы А Хуай об этом не узнал.

— Слушаюсь, госпожа.

Выйдя из больницы, Тан Лофань наконец осознал масштаб надвигающейся катастрофы. Он со вздохом посмотрел на хмурое небо и достал из кармана телефон, казавшийся сейчас неподъёмно тяжёлым. Стоило экрану вспыхнуть, как на него лавиной посыпались уведомления: десятки пропущенных от отца, старшего и второго братьев, а также тонны сообщений с требованием немедленно явиться домой. Каждое из них выглядело как смертный приговор.

Пальцы предательски дрогнули. «Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать», — подумал он.

Тан Лофань глубоко вдохнул и решил для начала набрать второму брату.

Тан Цзюньэр будто только и ждал этого звонка — трубку сняли после первого же гудка. Из динамика донёсся его фирменный ехидный смешок:

— О, явился. Ну надо же, мелкий, ты вчера всё-таки выжил?

Тан Лофань неловко кашлянул и осторожно поинтересовался:

— Э-э, братец... Ну как вчера всё прошло? Что отец сказал?

— О, вчерашний вечер... — протянул Тан Цзюньэр, явно наслаждаясь моментом. — Это было феерическое зрелище! Давай-ка живо тащи свою задницу домой, здесь и поговорим.

С этими словами он бесцеремонно бросил трубку.

Тан Лофань уставился на погасший экран.

Что значит «феерическое»? Никакой конкретики! Впрочем, глупо было надеяться вывести что-то у второго брата.

Он пролистывал список контактов дальше. При виде имён отца и старшего брата Тан Чэньи по

спине пробежал холодок. В итоге он решил набрать верному дворецкому, дяде Чжао.

— Алло, третий молодой господин? — отозвался в трубке добрый, обеспокоенный голос старика.

— Дядя Чжао! — жалобно взмолился Тан Лофань. — Как там отец? Чем занимается? Он уже готовит розги, чтобы спустить с меня шкуру?

Дядя Чжао со вздохом ответил:

— Ах, молодой господин, вы вчера мало того что пропустили встречу, так ещё и дома не ночевали. Глава семейства места себе не находил от тревоги. Где вы были?

— Я... — Тан Лофань запнулся. Он вспомнил подслушанный в палате разговор Одноклассника Линя с ассистентом: авария могла быть подстроена, и информацию о ней держали в строжайшем секрете. Поэтому выдавать правду было нельзя. — Возникли непредвиденные обстоятельства, только что со всем разобрался. Дядя Чжао, скажи честно, отец вчера сильно бушевал после возвращения?

— Вчера господин вернулся изрядно выпившим и заснул только под утро, сейчас ещё отдыхает. Думаю, его гнев немного поутих, ведь молодой господин Хэ Хуай вчера тоже проигнорировал ужин.

«Хэ Хуай тоже не пришёл?» — Тан Лофань опешил. Ладно он сам — угодил в переплёт с аварией, но какие оправдания у Хэ Хуая? Похоже, этот благоверный даже ради приличия не соизволил явиться. Какое поразительное единодушие.

Спустя два часа Тан Лофань с замиранием сердца переступил порог родного дома. Прокравшись через двор словно воришка, он тихонько приоткрыл дверь и на цыпочках двинулся к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Третий молодой господин, с возвращением, — раздался за спиной мягкий смешок дяди Чжао. — Как бы тихо вы ни ступали, перед хозяином всё равно придётся держать ответ за вчерашнее отсутствие.

— Дядя Чжао, ну зачем же так сразу бить по больному? — Тан Лофань виновато улыбнулся, подбежал к старику и зашептал ему на ухо: — Ну что, отец проснулся? Рвёт и мечет?

— Господин спокоен, — невозмутимо ответил дворецкий. — Он всего лишь проверил показания GPS-трекера на вашей машине и изучил вчерашний маршрут. Так что ему уже известно, что днём вы были в загородной художественной студии, а ночь провели в Центральной городской

больнице.

— Что?! — Тан Лофань похолодел. — В моей машине стоит маячок?!

— Молодой господин, вы забыли? В целях безопасности на всех автомобилях семьи Тан установлена спутниковая система слежения.

Тан Лофань мысленно выругался. «Ну всё, приплыли». Получается, все его ежедневные побеги в студию Илань были у отца как на ладони? Стоило только поднять логи — и весь его обман вскрывался за секунду.

Пока он лихорадочно соображал, какое оправдание придумать, сверху раздался глубокий, строгий голос:

— Лофань! Поднимись.

Юноша вздрогнул всем телом. Медленно, словно неисправный механизм, он поднял голову и увидел на верхней площадке старшего брата Тан Чэньи, чьё лицо не выражало ничего, кроме суровости. А прямо за его плечом маячил Тан Цзюньэр, расплывшийся в откровенно злорадной ухмылке.

Почувствовав себя зайцем, прижатым к земле тигриной лапой, Тан Лофань выдавил из себя жалкое подобие улыбки:

— Братцы... привет.

— Живо наверх, — скомандовал Тан Чэньи. — Объясни, что ты делал в больнице всю ночь?

Тан Лофань поплёлся вверх по ступеням с таким видом, будто на его ногах висели кандалы, а сам он шёл напрямиком на плаху.

Остановившись перед братьями, он замялся:

— Мой... мой друг вчера попал в беду. Пришлось везти его в больницу и остаться на дежурство.

То, что он тайком занимается живописью, скрывать больше не имело смысла, но раскрывать подробности аварии Одноклассника Линя он точно не собирался.

— Дежурство? Что ещё за друг, ради которого ты наплевал на обсуждение собственного брака?

— Я... — Тан Лофань не знал, что ответить.

— Ладно тебе, пошли сначала к отцу, — неожиданно вмешался второй брат, Тан Цзюньэр, видя его замешательство. — Честно говоря, даже хорошо, что мелкий вчера не явился. Если бы Хэ Хуай продинамил ужин, а мы припёрлись всей честной компанией, это выглядело бы так, будто семья Тан унижается перед Хэ.

— Вот именно! Моё отсутствие спасло нашу репутацию, — тихо забормотал Тан Лофань.

Тан Цзюньэр фыркнул:

— Горбатого могила исправит.

— Одно другого не отменяет, — отрезал старший брат, беря Тан Лофаня за локоть и ведя по коридору. — Отец поднял данные GPS и знает, что ты каждый день пропадаешь в этой студии. Изволь объяснить ему, чем ты занимался всё это время.

Он посмотрел сверху вниз на младшего брата, который был на полголовы ниже его, и добавил уже мягче, но настойчиво:

— Тебе пора перестать бегать от проблем, Лофань. Встреться с ними лицом к лицу.

Тан Лофань прекрасно понял, на что намекает Тан Чэньи. С тех пор как он обрёл память о будущем, он метался в поисках своего пути, чувствуя себя потерянным. Но сейчас его сознание наконец прояснилось. Да, пора прекратить трусливо прятаться от реальности.

Однако стоило ему переступить порог отцовского кабинета и увидеть суровый, холодный силуэт Тан Цюфу на фоне массивных книжных шкафов, как решимость юноши заметно пошатнулась.

Отец сидел за письменным столом спиной к вошедшим, и даже эта прямая, напряжённая спина излучала непреклонную строгость. Услышав скрип двери, он не обернулся. Из его уст раздался глухой, утомлённый голос:

— Лофань. Я не стану спрашивать, почему ты вчера пропустил встречу. Ответь мне на другое: чем ты занимался всё последнее время? И почему провёл всю ночь в больнице?

Тан Лофань не видел лица отца и не мог уловить его эмоций. Но это затишье пугало сильнее любого крика, предвещая скорую бурю. Наказания явно не избежать.

Встретившись взглядом со старшим братом, который подбадривающе кивнул ему, Лофань глубоко вздохнул. Скрывать что-либо дальше было бессмысленно.

Он сделал шаг вперёд и заговорил тихо, но отчётливо:

— Отец, на самом деле всё это время я занимался в художественной студии. И даже помогал вести уроки у новичков. Вчера днём один из моих учеников попал в страшную аварию по дороге домой. Я отвёз его в клинику и остался дежурить у его постели. Из-за этого я и пропустил совместный ужин с семьёй Хэ. Мне очень жаль.

— Художественная студия? — плечи Тан Цюфу напряглись. Он медленно повернулся к сыну, его брови сошлись на переносице. — Кто её владелец?

От этого глухого, хриплого тона у Тан Лофаня мурашки пробежали по спине. Он прекрасно помнил, как яростно отец всегда противился его увлечению живописью. Да что там отец — даже второй брат при слове «живопись» изумлённо уставился на него.

Собрав остатки мужества под прицелом трёх пар оценивающих мужских глаз, Тан Лофань твёрдо произнёс:

— Студией управляет Ли Цзысянь. Она была ученицей моей мамы. Если я хочу сохранить и развить те навыки рисования, которые мама дала мне в детстве, мне нужно учиться именно у неё.

— Отец, раньше я беспрекословно подчинялся вам: поступил в престижный университет, выбрал специальность, которую вы одобрили. Но недавно я наконец осознал, к чему действительно лежит моя душа. Я не хочу руководить масштабными застройками или высидывать часы в строгом костюме в совете директоров корпорации Тандин. Я люблю рисовать. И хочу доказать вам, что смогу прокормить себя сам. Я знаю, что в нашей семье никто не сидит сложа руки. С сегодняшнего дня я отказываюсь от ваших денег и полностью передаю ведение проекта «Северный город номер один» старшему брату. Однако я согласен на брак с Хэ Хуаем. Пусть выгода, которую этот союз принесёт семье Тан, станет моей платой за все годы вашей заботы и воспитания...

— Замолчи! — резко выкрикнул Тан Цюфу, обрывая его на полуслове.

Грудь пожилого мужчины тяжело вздымалась от гнева. Он указал дрожащим пальцем на младшего сына и сиплым от волнения голосом спросил:

— Ты... ты хочешь рисовать? Это... из-за твоей матери?!

В кабинете воцарилась гнетущая, удушливая тишина. Тан Чэньи и Тан Цзюньэр молча опустили глаза, на их лицах отразилась целая гамма сложных эмоций. В этой давящей атмосфере Тан Лофаню казалось, что воздух превратился в свинец. Но отступить было поздно — мосты сожжены.

Он с трудом перевёл дыхание и ответил:

— Да, именно мама привила мне любовь к искусству. Я знаю, что ваш развод с ней произошёл в том числе из-за её страсти к живописи. Все эти годы я винил себя... — голос юноши на мгновение дрогнул от подступивших слёз, — поэтому беспрекословно следовал вашим указаниям, пытаюсь загладить эту вину...

— Убирайся, — прервал его Тан Цюфу. В его севшем голосе сквозила безмерная усталость. — Сгинь с моих глаз. Живо.

— Отец, я...

Тан Лофань попытался возразить, но старший брат мягко придержал его за плечо:

— Хватит, Лофань. Не зли его сильнее. Пойдём.

Бросив прощальный взгляд на сторбленную фигуру отца, юноша плотно сжал губы и послушно последовал за братьями за дверь.

Когда сыновья ушли, просторный кабинет показался пугающе пустым. Тан Цюфу остался стоять у окна один. Его всегда безупречно прямая осанка теперь казалась надломленной, а сам он выглядел глубоко несчастным, одиноким стариком.

— Су Мань... — едва слышно прошептал он в звенящую тишину комнаты. — Неужели все эти годы... ошибался именно я?

Он дрожащей рукой достал из шкатулки на столе ключ и отпер нижний ящик письменного стола. Там лежал единственный предмет — деревянный подрамник. Старик бережно извлёк картину и принялся нежно, с невыразимой тоской гладить холст, касаясь каждого мазка, словно святыни.

В полумраке кабинета раздался тихий, надорванный шёпот:

— Су Мань... Прости меня.

В коридоре Тан Цзюньэр тут же перехватил младшего за руку и ошеломлённо спросил:

— Ты серьёзно собрался посвятить себя живописи? Это не шутка?

Тан Лофань уверенно кивнул. Под взглядом братьев его глаза светились непоколебимой решимостью:

— Несколько дней назад я передал старшему брату все документы по проекту «Северный город номер один». Даже без моего участия он сможет без проблем довести его до конца.

Тан Чэньи нахмурился, в его голосе проступили строгие нотки:

— Так вот почему ты постоянно отлынивал от работы и дрых прямо в офисе?

Тан Лофань виновато опустил голову и забормотал:

— Ну... не то чтобы нарочно. Просто по ночам я засиживался за холстом, а днём меня нещадно клонило в сон.

Тан Цзюньэр уцепился за эту деталь и изумлённо присвистнул:

— Погоди-ка! Ты спал на рабочем месте, и старший брат до сих пор не спустил с тебя шкуру?!

— Брат Чэньи меня никогда не бьёт, — фыркнул Тан Лофань, намекая на то, что в отличие от некоторых, старший брат не прибегает к вечным угрозам. Юноша демонстративно сделал шаг назад, прячась за широкую спину Тан Чэньи, и победоносно зыркнул на второго брата.

— Ах ты... — Тан Цзюньэр при виде этой сцены заметно сдал назад, в его взгляде промелькнула мимолётная обида. Впрочем, развивать спор он не стал — лишь раздражённо хмыкнул и зашагал прочь.

Убедившись, что второй брат скрылся из виду, Лофань негромко обратился к старшему:

— Брат Чэньи, а что мне делать с отцом?

Тан Чэньи немного помолчал, обдумывая ответ:

— Ты действительно уверен, что хочешь связать жизнь только с искусством?

Юноша кивнул без тени сомнения.

— Наш отец ценит исключительно результат, — вздохнул Чэньи. — Если ты сумеешь добиться

признания в художественных кругах и покажешь выдающиеся результаты, он со временем сменит гнев на милость. Но готов ли ты к этому? Посредственных живописцев пруд пруди, а успеха добиваются единицы.

— Я сделаю всё возможное, чтобы он мной гордился.

Старший брат ничего не ответил — лишь ободряюще похлопал его по плечу и пошёл по своим делам.

Выходные пролетели незаметно, и наступил самый тяжёлый день для любого работающего человека — понедельник. Тан Лофань, сладко спавший под тёплым одеялом, проснулся от настойчивого стука в дверь. Решив, что это опять пришел донимать второй брат, он недовольно поморщился и, не открывая глаз, поплёлся открывать:

— Да проснулся я, проснулся! Хватит тарабанить!

Однако на пороге стоял вовсе не Цзюньэр. Высокий, подтянутый старший брат в строгом деловом костюме выглядел невероятно внушительно. Хмель сна с Лофаня как ветром сдуло. Он тут же подобрался и робко пролепетал:

— Б-брат Чэньи... Доброе утро.

Младший выглядел очаровательно взъерошенным: кудри растрепались, на бледных щеках алел здоровый румянец со следами от подушки, а сонные глаза забавно округлились от лёгкого испуга. При виде этой картины суровый взгляд Тан Чэньи невольно смягчился.

— Ещё поспать хочешь? — тихо спросил он.

Лофань растерянно кивнул.

— Ну так иди ложись.

Тан Лофань окончательно завис.

— Я вчера поговорил с отцом, — добавил Чэньи, ласково взъерошив его непослушные волосы. — Он сказал, что больше не станет тебе мешать. Раз уж тебе так нравится рисовать — занимайся своим искусством. Проект «Северный город номер один» я полностью беру на себя.

Лофань стоял как громом поражённый. Ему казалось, что он всё ещё спит.

И действительно, пока он не торопясь чистил зубы и умывался, никто не стучал в ванную и не торопил его. Спустившись в столовую, Лофань обнаружил на столе бережно накрытый тёплый завтрак, приготовленный лично для него. Остальные мужчины семейства уже давно уехали в офис.

Дядя Чжао, стоявший у стола с роскошным трёхъярусным ланч-боксом, тепло улыбнулся:

— Молодой господин, не стоит постоянно перекусывать фастфудом, это вредно для желудка. Я попросил нашего шеф-повара и диетолога приготовить вам полезный обед. Возьмите его с собой в студию.

— О-о-о, дядя Чжао, вы у меня самый лучший! — Лофань благодарно приобнял старика и заговорщически прошептал: — Скажи, а отец ушёл в хорошем настроении?

— Всё как обычно.

— Неужели он правда разрешил мне рисовать?

— Похоже на то, господин.

Лофань всё ещё не мог поверить своему счастью. Ночью он не сомкнул глаз, прокручивая в голове худшие сценарии — вплоть до изгнания из семьи. И вдруг всё разрешилось само собой? После такого грандиозного скандала?

Интуиция подсказывала, что здесь кроется какая-то тайна, способная в любой момент рвануть, подобно бомбе с часовым механизмом. Но, решив не забивать себе голову лишними подозрениями, он со вздохом принялся за еду.

Как только дворецкий вернулся на кухню, на его телефон пришло сообщение от Тан Цюфу.

[Тан Цюфу: «Младший сегодня собирается в студию?»]

Дядя Чжао тут же набрал ответ:

[Дядя Чжао: «Да, господин. Как вы и велели, диетолог разработал сбалансированное меню, ланч-бокс уже у молодого господина».]

Ответ пришёл мгновенно:

[Тан Цюфу: «Только не говори ему, что это моя инициатива. И отправь кого-нибудь проверить обстановку вокруг этой студии Илань. Мало ли какие там опасности».]

[Дядя Чжао: «Будет исполнено, господин».]

Тан Лофань отправился в студию Илань. Но стоило ему переступить порог, как Сяо Цяо тут же схватила его за рукав и оттащила в сторону.

— Сяо Су-лаоши, — зашептала она с самым серьёзным видом, — вчера к нам заявлялась одна очень влиятельная дама. Расспрашивала про тебя. Скажи честно, ты кому-то перешёл дорогу?

— Какая ещё дама? — Лофань недоуменно захлопал ресницами. — Без понятия, о ком ты.

— Да там целая свита была! Бодигарды, секретари, даже юрист — все при полном параде. Видно, что денег куры не клюют. И она всё допытывалась: где живёт «учитель Су Лэ», чем занимается, не нуждается ли в деньгах... Когда они ушли, мы с учителем Ли обсудили это и пришли к выводу: эта богачка на тебя запала. Похоже, хочет взять на содержание.

Тан Лофань не сдержал смеха:

— Меня? На содержание? Интересно, потянет ли она мои карманные расходы?

В городе S едва ли нашлось бы много людей, способных содержать наследника семьи Тан.

— В том-то и дело! — кивнула Сяо Цяо. — Она ведь не знает, что ты Тан Лофань. Для неё ты просто бедный студент Су Лэ.

В этот момент раздался звонок в дверь. Сяо Цяо бросила взгляд на экран видеодомофона и шумно вздохнула:

— Легка на помине! Сяо Су-лаоши, она опять пришла. Что будем делать?

Тан Лофань тоже подошёл к монитору. На улице у входа выстроилась колонна элитных иномарок, из которых в окружении плотного кольца охраны выходила статная, дорого одетая женщина.

— Любопытно, — с улыбкой произнёс он. — Ладно, давай впустим. Посмотрим, чего она хочет.

Дама действительно умела производить впечатление. Женщина средних лет, обладавшая утончённой зрелой красотой, была одета в элегантное чёрное платье, превосходно подчёркивавшее её безупречную фигуру. На плечи была накинута бордовая шаль от ведущего модного дома, а половину лица скрывали огромные тёмные очки, придававшие ей невероятно

высокомерный вид.

Следом за ней в студию вошли четверо грозных телохранителей. Они рассредоточились у входа, сверля Тан Лофаня и Сяо Цяо суровыми взглядами. Картина напоминала явление босса мафии, пришедшего зачистить территорию.

Под надёжной охраной женщина неторопливо опустилась на гостевой диван. Она изящно сложила руки на коленях, окинула присутствующих неторопливым взглядом и наконец остановила взор на Тан Лофане. Слегка приподняв тонкую бровь, она спросила:

— Так это ты Су Лэ?

Тан Лофань слегка склонил голову набок и с вежливой улыбкой поинтересовался:

— Тётушка, вы что-то хотели?

Сквозь тёмные стёкла очков Линь Юйцин внимательно изучила юношу с ног до головы. Его лицо показалось ей смутно знакомым, будто они уже где-то пересекались. Впрочем, решив не забивать себе голову ерундой, она снисходительно хмыкнула:

— А ты действительно недурен собой.

Тан Лофань мысленно усмехнулся: «Она серьёзно собралась меня купить?»

Линь Юйцин опустила взгляд, лениво рассматривая свой безупречный маникюр, и небрежно произнесла:

— Что ж, не будем ходить вокруг да около. Назови свою цену.

«Ну вот и оно», — подумал Тан Лофань.

Он безупречно улыбнулся и с предельно вежливым видом ответил:

— Прошу прощения, тётушка, но я не продаюсь.

<http://bllate.org/book/20617/2140872>